

Он любил улыбаться, потому что считал, что улыбка — самое милое выражение лица. Он протянул палец, слегка коснулся чёрного камня, и тот полетел с доски. Камень ускорялся, рассекая воздух, направляясь прямо в лоб старика.

Эта встреча началась с того, что он, не сказав ни слова, уже пытался убить.

Старик не изменился в лице, не сдвинулся с места, лишь провёл рукой по доске, взял белый камень и, без лишних движений, толкнул его с чёрным.

— Щёлк.

В тишине ночи раздался чёткий звук.

Чёрный и белый камни слились воедино, старик отпустил их, и они упали на землю. В процессе падения камни оставили за собой след, исчезающий в воздухе, а когда достигли земли, превратились в пыль, которую ветер унёс без следа.

— Как тебя зовут?

Чао Минь прыгнул перед стариком, улыбаясь, без тени смущения от неудавшегося убийства.

— Мальчишка, как невежливо — сначала пытаешься убить, а потом спрашиваешь имя, — старик лениво поднял глаза и фыркнул.

Чао Минь, казалось, не обиделся, слегка постучал по доске и представился:

— Чао Минь.

Казалось, его лёгкое прикосновение вызвало дрожь камней, и доска вот-вот могла рассыпаться. Старик небрежно хлопнул себя по колену и произнёс:

— Хорошее имя.

Камни тут же успокоились, и он продолжил:

— Чао — это свет, Минь — дракон, который вот-вот обретёт форму.

Чао Минь доброжелательно смотрел на старика, словно тот был не незнакомцем, а соседом, который каждый день продавал лепёшки. Взгляд его был неожиданно тёплым.

Старик почувствовал в этом взгляде искреннюю доброту и наконец выпрямился. Он понял, почему его старый друг не убил Чао Миня, а всеми силами пытался направить его на правильный путь.

Этот молодой человек слишком хорошо умел притворяться. Его маскировка стала настолько естественной, что он мог менять её в зависимости от обстоятельств, словно внутри него ничего не было, и он мог принять любую личность.

Если он хотел, то мог в мгновение ока изменить выражение лица и всю свою ауру, переходя от добра к злу или наоборот, просто по своему желанию.

Талантливый юноша с необычной судьбой. И за тридцать лет он вырос в могучее дерево, но это дерево было ядовитым.

— Ты не понимаешь чувств, — с сожалением покачал головой старик.

В конце пути боевых искусств лежит понимание чувств. Природа, цветы, звери, любовь, ненависть, прозрение сердца.

— У тебя нет ничего, за что бы ты цеплялся, и в итоге ты впадёшь в демоническое искажение.

Достигнув вершины боевых искусств, но не имея в сердце привязанностей, всё равно что строить дом на песке — он рухнет в любой момент.

Чао Минь с удивлением спросил:

— Привязанности? Я привязан к пути боевых искусств, разве это не считается?

В его голосе звучала искренняя искренность, он смотрел на старика с уважением, как на старшего, надеясь получить от него наставления.

— Ты изучаешь боевые искусства только потому, что тебе это нравится? — старик лениво поднял веки, словно действительно считал Чао Миня своим учеником.

— Нравится?

Чао Минь, казалось, смутился от этих слов. Он улыбнулся, глаза его сузились.

— Если ты имеешь в виду, что это необходимо, то да, мне это нравится.

Он постоянно стремился вверх, постоянно прогрессировал, постоянно хотел большего. Чем

сильнее он становился, тем больше мог получить.

Эта врождённая жадность была просто инстинктом. Чао Минь никогда не считал её ошибкой, ведь с самого рождения она помогала ему выжить.

Путь боевых искусств был необходимым инструментом, чтобы достичь всего.

Старик помолчал, затем вздохнул:

— Я приведу пример. Например, он.

Он взял белый камень.

— Е Юй.

Имя, словно триггер, заставило улыбку Чао Миня исчезнуть. В его глазах появилась мёртвая пустота, и он сбросил маску добродушия, показав свою холодную, безжизненную сущность.

— Единственный наследник школы Дунсянь. Изначально Люйсяо-цзы не хотел принимать его, несмотря на его выдающиеся способности к боевым искусствам, потому что его характер был слишком жёстким, и ему не хватало гибкости, свойственной школе Дунсянь.

Старик начал рассказывать о прошлом других школ, словно делился интересными историями из мира боевых искусств с другом, посетившим его ночью.

Слишком жёсткий характер?

Е Юй...?

Чао Минь вспомнил того ненадёжного юношу, который убегал от опасности быстрее всех и бледнел при мысли об убийстве. Его характер был полной противоположностью жёсткости.

— Е Юй семь дней стоял на коленях за пределами школы Дунсянь, снег покрыл бамбуковую рощу. Если бы он не был от природы выносливым, то не выжил бы и двух дней, не говоря уже о трёх годах в лабиринте бамбуковой рощи.

Чао Минь снова улыбнулся, но ничего не сказал, лишь с интересом смотрел на старика.

Старик продолжил:

— Знаешь, почему Люйсяо-цзы всё же принял его?

Чао Минь с любопытством покачал головой, сохраняя свою милую улыбку.

— Из-за привязанности.

Старик твёрдо поставил белый камень среди хаоса чёрных.

— Его привязанность не имела цели. Она была чистой, направленной только на путь боевых искусств, на сердце меча. Он не отвлекался на искушения, он занимался боевыми искусствами не ради чего-то. Просто он был привязан к пути меча, и ничто не могло его поколебать. Поэтому он не впадёт в демоническое искажение, потому что он точно знает, чего хочет. Он стремится только к боевым искусствам, и все его чувства направлены на это. Вот почему Люйсяо-цзы принял его — этот ребёнок был чист сердцем и полон решимости.

— А ты другой, Чао Минь.

Старик поднял пустую руку, указывая на него, и поток подавляющей энергии обрушился на Чао Миня.

— У тебя нет привязанностей. Ты не знаешь, чего хочешь. Даже с твоим талантом, который превосходит всех, в конце концов ты сойдёшь с ума от стремления к вершине боевых искусств. И тогда, впад в демоническое искажение, ты начнёшь уничтожать всё вокруг.

Чао Минь не изменил выражения лица, свет фонаря играл на его лице, создавая странные тени.

— Надоел.

Старики всегда такие скучные?

Люйсяо-цзы был таким, и этот старик из Врат Куньлунь тоже.

Какая скука, просто тоска.

— Старею, прости.

Старик беззаботно улыбнулся, его энергия исчезла, и он не чувствовал себя виноватым за то, что не смог поколебать Чао Миня.

— Привязанность... к чувствам?

В спокойном сердце Чао Миня, казалось, упала пылинка. Иногда он был очень пронизательным, но некоторые вещи невозможно понять, даже если у тебя есть дар.

— Сострадание — это тоже чувство, как твоё нежелание убивать Е Юя.

Заблуждения Чао Миня были настолько детскими, что вызывали жалость. Сколько бы он ни путешествовал, сколько бы ни видел, если ничего не трогало его сердце, всё было бесполезно.

Старик хотел открыть ему глаза, научить его самым основам человечности.

— Потому что он забавный.

Чао Минь не отрицал, что был терпим к тому, что считал интересным.

Старик выглядел разочарованным. Он совершил ту же ошибку, что и его старый друг. Чао Минь, это кривое дерево, уже невозможно выпрямить. Как жаль его таланта.

— Почему разочарован? Если я впаду в демоническое искажение, ты сможешь уничтожить меня, разве это не хорошо?

Чао Минь равнодушно рассмеялся. Этот разговор не принёс ему ничего нового. Он всегда был готов и терпелив в общении с мастерами, потому что мог чему-то у них научиться.

Но когда он понимал, что не может получить никакого озарения, его терпение быстро иссякало.

— Нет, это не хорошо.

Старик печально покачал головой.

— Если бы я встретил тебя тридцать лет назад, когда ты только родился, я бы забрал тебя в Врата Куньлунь и воспитал бы тебя. А теперь мне придётся самому уничтожить тебя, и это больно, невыносимо больно.

Старик взял белый камень из чаши и медленно положил его в центр доски. Чёрные и белые камни были разбросаны в хаосе, и невозможно было понять, кто выигрывает.

Чао Минь, казалось, не слышал слов старика. Он поднял взгляд и посмотрел вперёд, где древняя дорога вела к горам Куньлунь, которые в ночи выглядели как огромный спящий зверь. Полная луна едва виднелась за горизонтом, её бледный свет почти исчезал.

<http://bllate.org/book/15304/1352589>